

#### 4. Внѣшній ростъ монастыря и состояніе его до конца XVII вѣка.

##### VII.

Многа же добра сотвори монастырю тому блаженный Мартиніанъ, распространіи и укрѣпи его во славу Божію.

Ркп. житіе пр. Мартиніана.

Возникновеніе церквей и зданій. — Церкви Рождества и Благовѣщенія. — Литовское раззореніе. — Постройки XVII вѣка. — Пріобрѣтеніе земельныхъ владѣній. — Споры съсосѣдями. — Отношеніе къ монастырю древнихъ князей и государей. — Вклады и пожертвованія въ монастырь. — Внутреннее устройство монастыря. — Экономический упадокъ его въ XVII вѣкѣ.

Преп. Мартиніанъ, сообщившій извѣстность Ферапонтову монастырю своими подвигами и развитіемъ въ немъ духовной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно возвысилъ и материальное благосостояніе этой скромной обители. Ниже мы, увидимъ, что пріобрѣтеніе земельныхъ владѣній обезпечившихъ собою дальнѣйшее существованіе монастыря, относится главнымъ образомъ ко временамъ игуменства и строительства въ немъ пр. Мартиніана.

Слѣдя за внѣшнимъ ростомъ обители, остановимся прежде всего на возникновеніи монастырскихъ зданій. Началомъ обители, какъ извѣстно, послужила келья пр. Ферапонта, поставленная имъ среди дремучаго лѣса между озерами Бородавскимъ и Пасскимъ. Мы уже видѣли, что за короткое время пребыванія здѣсь пр. Ферапонта (1398—1408) его одинокій скитъ разросся въ небольшой монастырь, въ которомъ число братіи доходило до 15 человѣкъ и болѣе. Для нихъ выстроены были кельи «двоекровны и троекровны» и деревянная церковь во имя Рождества Пр. Богородицы. Заботами пр. Ферапонта эта церковь была снабжена необходимой утварью, «книгами и честными иконами, елико сила можаше». Во времена пр. Мартиніана число братіи въ монастырѣ увеличилось и монастырь расширился подъ его опытнымъ руковод-

ствомъ. Пахомій Сербъ (Логоаеть), бесѣдовавшій съ пр. Мартиніаномъ во времена его строительства въ Ферапонтовѣ и, конечно самъ, видѣвшій монастырь, называетъ его «зѣло краснымъ» и имѣющимъ много ишковъ<sup>1</sup>. Изъ житія пр. Мартиніана известно, что еще въ XV в. въ Ферапонтовѣ была звонница съ колоколами и новая трапеза, своимъ устрой-



Колокольня, соборная церковь Рождества Пр. Богородицы и церковь пр. Мартиніана въ Ферапонтовѣ монастырѣ.

ствомъ вызывавшая себѣ похвалы со стороны братіи. Всѣ эти постройки были деревянными, и часть ихъ въ концѣ XV вѣка была истреблена пожаромъ. Вполнѣ понятно, что до нашего времени отъ нихъ не осталось и слѣда. Единственный памят-

<sup>1</sup> «Есть монастырь на мѣстѣ томъ зѣло красенъ, много имущи братіи Господеви работающихъ даже и до сего дне». Макарій И. Р. Ц. т. IV, прилож. XXI.

никъ, уцѣлѣвшій оть той эпохи, представляетъ собою упомянутая выше Бородавская церковь<sup>1</sup>.

Каменные зданія въ Ферапонтовѣ монастырѣ, какъ и въ Кирилловѣ, начинаютъ появляться въ самомъ концѣ XV в. Въ это время была построена въ Ферапонтовѣ первая каменная церковь во имя Рождества Пр. Богородицы на мѣстѣ прежней деревянной церкви. Время этой постройки опредѣляется надписью, находящейся внутри церкви на аркѣ съверныхъ дверей<sup>2</sup>. Изъ этой надписи видно, что Рождественская церковь построена при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и Василии Ивановичѣ и при архіепископѣ Тихонѣ, слѣдовательно, между 1492—1503 годами<sup>3</sup>, вѣроятно, въ 1500—1501 годахъ. Строили ее, какъ можно думать, ростовскіе каменщики, которыми около того же времени (1497 года) была построена въ Кирилловѣ церковь во имя Успенія Божіей Матери. Бѣлозерская область находилась тогда въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ростовомъ, какъ своимъ епархіальнымъ городомъ. Кромѣ того, бывшій владыка ростовскій Іоасафъ жилъ въ Ферапонтовѣ какъ разъ въ это самое время. Самая архитектура Рождественской церкви, напоми-

<sup>1</sup> У преосв. Филарета въ Житіяхъ Святыхъ (подъ 12 января) говорится объ „уцѣлѣвшихъ памятникахъ, которые представляютъ заботливость игумена Мартиніана о Ферапонтовой обители“. Здѣсь, очевидно, разумѣются каменные постройки монастыря, но они возникли уже послѣ пр. Мартиніана.

<sup>2</sup> Къ сожалѣнію, эта надпись, писанная вязью, въ нѣсколькихъ мѣстахъ стерлась и повреждена трещиной. Стерлась и послѣдняя цифра въ датѣ, хотя по оставшимся слѣдамъ (двѣ точки рядомъ) можно догадываться, что это было и (8). Вотъ эта надпись: „въ лѣто ,3" мѣса авгуستа въ ў на преображеніе Г҃ нашего Г҃ Ха начата бысть по... церковь + а кончана на ѻлѣ мѣса сего вѣка въ ѻ на рожество престоянія ка'ца нашынѣ вѣда мриа: при благовѣрномъ великому князе іванѣ васільевиче всеа руси. і при великому князе василіе іванов. всеа руси. при... хонѣ + а пісци (?) деонісіе иконникъ съ своимъ ч... о... вс... іабави іх гї муки вѣчныя...“ Упоминаемый здѣсь Діонисій иконникъ не тотъ ли знаменитый въ свое время иконоописецъ Діонисій, которому въ 1482 заказывала писать иконы архіепископъ ростовскій Вассіанъ (П. С. Р. Л. VI, 283)?

<sup>3</sup> Ср. проф. Н. Е. Никольскій. Кирило-Бѣлозерскій монастырь. 1897. I, 1, 276 пр.

нающею собою Успенскую церковь въ Кирилловъ, служить яснымъ доказательствомъ происхожденія ея изъ рукъ ростовскихъ мастеровъ<sup>1</sup>.

Церковь эта небольшихъ размѣровъ: отъ дверей до иконостаса она имѣетъ  $9\frac{3}{4}$  арш. и  $15\frac{1}{2}$  арш. отъ южной стѣны до сѣверной. Она построена прямоугольникомъ, восточная часть алтаря оканчивается тремя полукружіями, раздѣленными между собою стѣнами. Въ сѣверной части алтаря находится жертвенникъ, въ южной вмѣсто діаконника устроенъ (не позже XVII вѣка) придѣль во имя чудотворца Николая. Внутри церкви два четырехугольныхъ столба вмѣстѣ съ иконостасной стѣнкою служатъ основаниемъ для арокъ, на которыхъ поются куполъ. Въ парусахъ сводовъ видны отверстія голосниковъ (глиняныхъ кувшиновъ, вставлявшихся въ своды, какъ полагаютъ, для усиленія звуковъ). Поль церкви значительно возвышенъ надъ землей (церковь построена «на взмостѣ», какъ выражались въ старину) и состоитъ изъ кирпичей двухъ цветовъ: темныхъ и красныхъ. Стѣны собора, не исключая его сводовъ и купола, сплошь украшены старинной фресковой живописью. Между фресками можно отмѣтить: изображенія седьми вселенскихъ соборовъ, бракъ въ Канѣ галилейской, притчу о званыхъ на вечерю, страшный судъ, явленіе креста императору Константину, сидящему на конѣ, изображенія разныхъ святыхъ, композиція «О Тебѣ радуется», и многія другія. Эта живопись была поновлена въ 1738 году, при игуменѣ Павлѣ, какъ говорить надпись на стѣнѣ алтаря<sup>2</sup>.

Иконостасъ, состоящій изъ четырехъ ярусовъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько древнихъ иконъ. Между ними особенно заслуживаютъ вниманія большія иконы нижняго яруса въ серебряныхъ басменныхъ окладахъ, съ серебряными цатаами и вѣнцами, украшенными мелкимъ жемчугомъ и камнями. Таковы мѣстный образъ Рождества Пр. Богородицы «въ дѣянії»,

<sup>1</sup> Видъ ея на стр. 72, взяты нами изъ упом. книги проф. Н. К. Никольского „Кирилло Бѣлозерскій монастырь“.

<sup>2</sup> „1738 сентября въ... въ день поновлена бысть сія соборная церковь стѣнное письмо и связана связи желѣзными радыніемъ і раченіемъ ігумена Павла и добродѣющихъ въ пречестную церковь сію“.

образъ Богоматери Одигитрії, образъ Воскресенія Христова (сопшествіе во адъ), на которомъ въ видѣ писпровергаемыхъ бѣсовъ изображены разныя страсти и пороки, напр. скорбь отчаяніе, гордость и пр., иконы «Неопалимая Купина» и «О Теб радується», пр. Ферапонтъ и Мартиніанъ «съ житіями» на поляхъ, «Явленіе Аврааму св. Троицы». На послѣдней иконѣ сзади доски сохранилась надпись вязью, изъ которой видно, что икона написана въ 1530 году<sup>1</sup>. Предъ иконостасомъ висить болыше мѣдное паникадило (см. рис. на стр. 77), пожалованное Ферапонтову монастырю царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ въ 1639 году<sup>2</sup>. Оно украшено сверху двухглавымъ орломъ и имѣть 20 канделябровъ, расположенныхъ двумя ярусами. Особаго вниманія заслуживаетъ орнаментъ на канделябрахъ этого паникадила. Вместо обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ изображеній херувимовъ мы видимъ на каждомъ канделябрѣ литое изображеніе головы въ царской шапкѣ (см. рис. на стр. 81). Это изображеніе, отчасти напоминающее собою сурочный профиль Ивана Грознаго, представляетъ рѣдкое и любопытное явленіе въ области русской церковной орнаментики<sup>3</sup>.

При выходѣ изъ Рождественской церкви по обѣимъ сторонамъ дверей до сихъ поръ сохранились мѣста для келаря и казначея простаго древняго устройства съ откидными сидѣньями (см. рис. на стр. 85). Эти мѣста, рѣдко гдѣ уцѣ-

<sup>1</sup> „Въ лѣто 7038 го(да) ица июля въ 11 день стные прехвалльные великомученицы Евфимії написана бысть икона... чуднаго таинства... при митрополитѣ... и при архіепископе Кирилле ростовскомъ по благословенію... отца нашего игумена Ферапонта...“.

<sup>2</sup> „Посреди церкви противъ Спасова образа государева жалованыя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеса Росії паникадило мѣдное о двадцати шанданехъ вѣсомъ семнадцать цудъ двенадцать гриненокъ (фунтовъ)“. Отлісныя книги Ферапонтова монастыря 7181 (1678) года, рук. архива Кириллова монастыря № 108 (по цумерации Н. П. Успенскаго) л. 15 об. Время пожертвованія этого паникадила (20 июля 7147 года) известно изъ вкладной книги и взято нами изъ описи ферапонтовской приходской церкви. Самая вкладная книга, къ сожалѣнію, утрачена.

<sup>3</sup> Въ тверскомъ музеѣ хранятся остатки царскаго паникадила съ такимъ же орнаментомъ (литыи въ золотыхъ рожкахъ рыцарскія головки). Полагаютъ, что паникадило это остатокъ утвари, пожертвованной Грознымъ, и что упомянутый орнаментъ представляетъ собою портретное изображеніе жертвоносителя. См. Описание Тверского Музея. Археол. Отд. А. К. Жианевскаго. М. 1888, с. 182, № 590.

хъвішія въ нашихъ монастыряхъ, вызываютъ въ памяти одну черту древняго монастырскаго устава. Въ старину монастырскія власти — келарь и казначей становились у дверей церкви для наблюденія за приходившими въ церковь и уходившими изъ нея иноками.

Снаружи стѣны собора раздѣлены плоскими выступами (лопатками) на три фаса, заканчивающіеся вверху полукружьями. По верхней части стѣны, равно какъ по барабану купола, идетъ поясъ орнаментовъ, довольно разнообразный по своему составу. Тутъ есть и обронный (выпуклый) орнаментъ, и орнаментъ изъ кирпичей, образующихъ зигзаги и впадины, и орнаментъ изъ бусынокъ (колонки, поставленные во впадинкахъ). На западной стѣнѣ собора этотъ поясъ орнаментовъ шире, чѣмъ на другихъ (см. рис. на стр. 73). Паперть и ризница, съ трехъ сторонъ примыкающія къ собору, пристроены къ нему вслѣдствіи. Нѣсколько оконъ въ немъ пробиты вновь. При всемъ томъ Ферапонтовскій Рождественскій соборъ и внутри, и снаружи сохранилъ свой первоначальный видъ въ гораздо большей степени, чѣмъ его ровесникъ по лѣтамъ — Успенскій соборъ въ Кирилловѣ, значительно измѣненный позднѣйшими пристройками.

Второю по времени постройки каменною церковью въ Ферапонтовѣ была теплая церковь Благовѣщенія, построенная вмѣсть съ каменной трапезою. Время этой постройки (1530—1534) обозначено въ надписи на плитѣ, вставленной въ стѣну направо отъ входа въ церковь<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> „Лѣта 7038 начата бысть сія церковь дѣлати во имя Владычицы Богородицы честнаго Ея Благовѣщенія у святых трапезъ при благовѣрномъ великому князю Василію Ивановиче всея руси, при архіепископе ростовскомъ Кирилле и при игумене еерапонтовскомъ Ферапонте. а совершина бысть при сыне его при великомъ князе Іване Васильевиче всея русі. а священа бысть при архіепископе Кирилле, при игумене Ферапонте, лѣта 7043 ноября 21 на праздникъ Пресвятых Богородицы честнаго ея вѣденія“. Ср. показанія лѣтописи: „въ лѣто 7043 совершина бысть въ Ферапонтовѣ монастырѣ трапеза и церковь кирпичная теплая. Въ лѣто 7045 (1536) мѣсяца декабря въ 3 день на память пророка Софоnія освящена бысть церковь теплая благовѣщенія пресв. Богородицы въ ферапонтовѣ монастырѣ“. Ркп. И. П. Б. сб. № 1554. Неназвѣстно, чѣмъ объясняется это разногласіе надписи съ лѣтописной замѣткой.

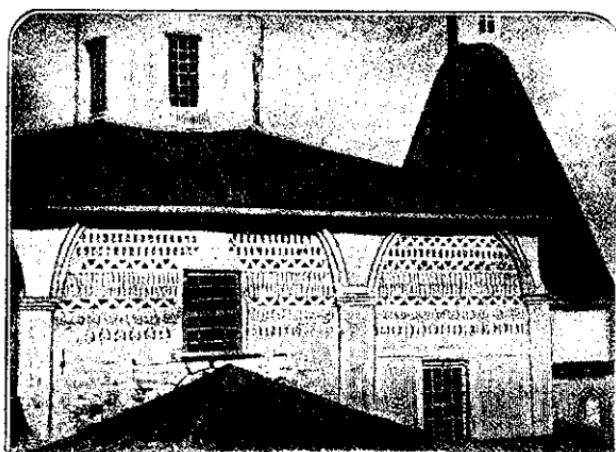
Благовѣщенская церковь построена въ видѣ прямоугольника небольшихъ размѣровъ ( $1\frac{2}{3}$  саж. оть з. къ в. и  $3\frac{1}{2}$  саж. оть с. къ ю., алтарь 2 с. и  $3\frac{1}{2}$  с.). Съ запада къ ней примыкаетъ большая трапезная палата ( $7\frac{1}{3}$  с.  $\times$   $7\frac{1}{3}$  с.),



Соборная церковь Рождества Пр. Богородицы  
(съ сѣверной стороны).

устроенная по типу древнихъ монастырскихъ трапезъ. Посрединѣ большой четырехугольный столбъ поддерживаетъ своды, внизу подъ церковью находились опустѣвшія теперь хлѣбня и каменные погреба. Съ сѣверной стороны къ трапезѣ примыкали кладовая палата и келарская келья, нынѣ

уже несуществующая. Въ 1851—3 годахъ трапезная палата, долгое время остававшаяся въ запустѣніи, была обращена въ церковь, причемъ бывшая церковь образовала собою алтарь. Еще доселѣ въ бывшей трапезѣ стоять массивныя деревянныя скамы, на которыхъ обѣдали иноки. Скамы эти—стариннаго устройства, съ рѣзными спинками, перекидывающимися на обѣ стороны. Въ старину изъ Благовѣщенской церкви былъ устроенъ въ стѣнѣ глухой ходъ въ главу церкви. Теперь этотъ ходъ закладенъ, и проникнуть въ главу можно только съ большими



Орнаментъ на западной стѣнѣ соборной церкви Рождества Богородицы.

трудомъ, чрезъ небольшое отверстіе, пробитое въ стѣнѣ на чердакѣ. Чрезъ это отверстіе можно попасть прежде всего въ бывшее монастырское книгохранилище, продолговатую комнату съ опустѣвшими полками на стѣнѣ. Отсюда узкимъ и темнымъ ходомъ можно со свѣчей въ рукахъ пройти въ главу церкви и осмотрѣть находящееся тамъ помѣщеніе. По всей вѣроятности, это помѣщеніе служило въ старину монастырскимъ казнохранилищемъ, куда не сразу могли проникнуть лихіе люди.

Въ настоящее время церкви Рождества и Благовѣщенія соединены между собою каменной галлереей съ окнами по обѣимъ сторонамъ. Посрединѣ я возвышается монастырская колокольня (см. рис. на стр. 67). Каменные переходы съ колокольней существова-

вали еще въ XVII вѣкѣ, но неизвѣстно, когда построены. Правда, во время постройки Благовѣщенской церкви число монастырскихъ колоколовъ увеличилось двумя, которые были пожертвованы въ монастырь Иваномъ Третьяковымъ да Дмитріемъ Воронцовыми. <sup>1</sup> Но каменная колокольня для нихъ, повидимому, была выстроена позднѣе. Еще въ XVII вѣкѣ надъ колокольней «въ брусовой часовнѣ» были устроены «часы боевые съ перечасьемъ», которые въ позднѣйшей описи называны «нѣмецкими». Въ настоящее время отъ нихъ остался одинъ только изломанный механизмъ.

Въ самомъ началѣ XVII вѣка Ферапонтовъ монастырь пострадалъ отъ литовского раззоренія. Какъ извѣстно, послѣ неудачной осады Троице-Сергіевой Лавры шайки казаковъ и литовцевъ направились на сѣверъ, грабя и раззоряя все на своемъ пути. На Бѣлоозеро привлекали ихъ слухи о несмѣтныхъ сокровищахъ Кириллова монастыря, которымъ они пытались завладѣть. Но Кирилловскіе монахи во главѣ съ игуменомъ Матеемъ, горячимъ патріотомъ и умнымъ администраторомъ, дали рѣшительный отпоръ литовскимъ шайкамъ. Нѣсколько разъ воровскія шайки пытались взять монастырь. Почти пять лѣтъ Кирилловъ находился въ осадномъ положеніи, но крѣпкія стѣны спасли его отъ раззоренія <sup>2</sup>. За то подверглись опустошенію беззащитныя окрестности Кириллова монастыря и между ними Ферапонтовъ монастырь. Въ декабрѣ 1614 года казацкій отрядъ, подойдя къ Кириллову изъ Устюжны, не рѣшился сдѣлать приступъ и, постоявъ двое сутокъ на Взвозѣ, ушелъ на Словинскій Волокъ и Рукину слободку. Здѣсь онъ встрѣтился съ другими шайками казаковъ и литовцевъ подъ начalomъ атамановъ Колынскаго и Булата. Раззоривъ до основанія окрестныя села и деревни, казаки и «черкасы» свернули къ Ферапонтову, чтобы идти въ Чарондскій округъ и на Каргополь. Проходя мимо Ферапонтова, шайка грабителей остановилась въ немъ для грабежа. Но

<sup>1</sup> „Въ лѣто 7043 далъ Иванъ Третьяковъ колоколь въ ферапонтовъ монастырь.—Въ лѣто 7044 спилъ колоколь въ ферапонтовъ монастырь Дмитрий Семеновичъ Воронцовъ“ Ркп. И. П. Б. сб. № 1554 (Погод.) л. 26.

<sup>2</sup> Объ осадѣ литовцами Кириллова монастыря см. въ упом. изслѣдованіи проф. Н. К. Никольскаго „Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь“ I, 1 с. 50—60.

имъ едва ли удалось поживиться въ Ферапонтовѣ. Въ это тревожное время монахи, конечно, давно были наготовѣ и заранѣе успѣли скрыть въ надежное мѣсто наиболѣе цѣнныя вещи. Грабители унесли черный бархатный покровъ съ гробницы пр. Мартиніана, подвергли церкви поруганію, въ кельяхъ ставили лошадей, сожгли монастырскія ворота и двери въ кельяхъ и замучили до смерти многихъ окрестныхъ жителей. Вскорѣ по уходѣ казаковъ власти Кириллова монастыря послали своихъ людей на Волокъ и къ Ферапонтову, чтобы «провѣдать про казаковъ, куда онѣ пошли». Монастырскій служка Григорій Морозъ, посланный въ Ферапонтовъ, своими глазами видѣлъ слѣды хозяйственія здѣсь казаковъ и, вернувшись въ Кириловъ, такъ докладывалъ о видѣнномъ монастырскимъ властямъ и воеводѣ. «Былъ-де онъ въ Ферапонтовѣ монастырѣ, и на чудотворцевой де раки былъ бархатъ чорнъ, и тотъ-де бархатъ казаки взяли, и въ церквяхъ-де ходили, и Божіи-де престолы обругали по церквамъ, и ворота-де и по кельямъ двери всѣ прижгены, и въ кельяхъ и въ сѣнѣхъ лошади стояли, и хрестьянъ-де многихъ и жонокъ и дѣвокъ мучили и огнемъ жгли, и жжонныхъ хрестыль многихъ видѣлъ и мертвыхъ». О судьбѣ монаховъ развѣдчикъ ничего не говорить; вѣроятно, они заблаговременно успѣли скрыться отъ разбойниковъ. Встрѣтившійся ему ферапонтовскій мужикъ Анисимко сказалъ, что онъ провожалъ казаковъ до Чарондской округи, откуда они хотѣли идти подъ Каргополь<sup>1</sup>.

Но литовское разореніе, нарушившее мирную жизнь обители, не остановило ея роста. Спустя 25 лѣтъ послѣ него въ Ферапонтовѣ строится новая каменная церковь во имя пр. Мартиніана, надъ мѣстомъ его погребенія, гдѣ раньше стояла гробница или часовня. Эта церковь примыкаетъ къ соборной церкви съ южной стороны и имѣть видъ прямоугольника съ большімъ выступомъ на восточной сторонѣ. Ширина ея неодинакова: 2 и  $3\frac{1}{2}$  сажени, длина первоначально была около  $6\frac{1}{2}$  сажень, но въ 1836—38 году церковь удлинена къ западу на  $2\frac{1}{2}$  сажени. У входа вставлена въ стѣну плита съ надписью о времени построенія церкви въ 1640—41 году<sup>2</sup>. Мощи

<sup>1</sup> Дополн. къ Акт. Ист. т. II, № 27.

„Лѣта 7148 зачата бысть сія церковь во имя отца нашего Мартиніана при благовѣрномъ царѣ и великому князю Михаилѣ Феодоровичѣ

пр. Мартиніана покоятся подъ спудомъ у съверной стѣны церкви. Въ вишѣ этой стѣны надъ мѣстомъ его погребенія стоитъ рака, деревянная, украшенная рѣзбой съ позолотой (см. рис. на стр. 89). На сторонахъ раки въ пяти кругахъ (пятый кругъ, находящійся на восточной сторонѣ, не виденъ зрителю) вырѣзаны вязью отрывки изъ житія пр. Мартиніана, повѣствующіе объ открытіи его мощей и о двухъ чудесахъ, бывшихъ при его гробѣ: исцѣленіи старца Памвы и бѣсноватой женщины Акулины съ Суслы. Выше этихъ круговъ по верхнему краю доски вырѣзана вязью въ двѣ строки надпись о времени сооруженія раки въ 1646 году<sup>2</sup>. На верхней доскѣ раки находится древнее изображеніе пр. Мартиніана во весь ростъ. Направо отъ раки у съверныхъ дверей алтаря стоитъ небольшое надгробіе, покрытое доской безъ всякой надписи. Здѣсь погребенъ ученикъ преп. Мартиніана, упомянутый выше Іоасафъ, архиепископъ ростовскій, бывшій князь Оболенскій.

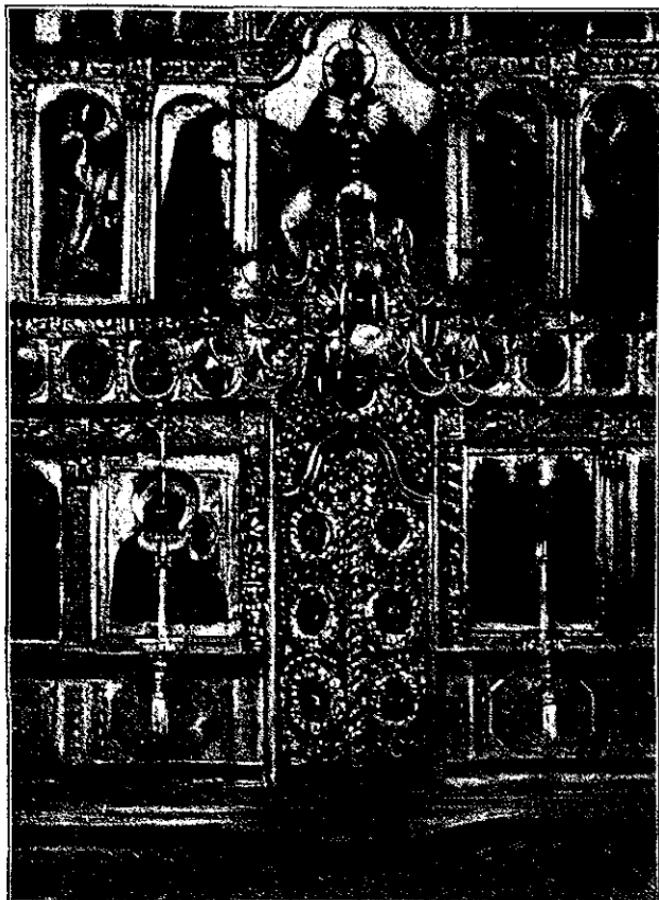
Въ половинѣ XVII вѣка въ Ферапонтовѣ были освящены еще двѣ церкви на монастырскихъ воротахъ: одна—во имя Богоявленія Господня, другая—во имя пр. Ферапонта. Изъ нихъ Богоявленская церковь замѣчательна тѣмъ, что внослѣдствіи была отведена для опального патріарха Никона. Время постройки этихъ церквей неизвѣстно съ точностью, но годъ

---

всехъ руссіи и при благовѣрномъ цесаревичѣ великомъ князѣ Алексѣ Михайловичѣ и при митрополитѣ Варлаамѣ ростовскомъ и при игуменѣ Герасимѣ и при строителѣ старцѣ Петрѣ, а совершина бысть церковь сія въ 149 году августа...<sup>4</sup>. Надпись эту, замазанную известью, теперь съ трудомъ можно разобрать. Ее читалъ въ пятидесятыхъ годахъ А. Н. Муравьевъ. Но въ книгѣ его «Русская Фиваида на Съверѣ» дата надписи сообщена невѣрно: въ лѣто 7083 (1495, sic.), с. 385.

<sup>2</sup> «Божію милостію и пресвятая Богородици помощію подписанна бысть рака сія преп. отца нашего Мартиніана со всею рѣзью и позлащена въ лѣто 7154 мѣсяца марта въ 17 день, при державѣ государя царя и великаго князя Алексія Михайловича всехъ руссіи и при Иосифѣ патріархѣ московскомъ и всехъ руссіи, и при Варлаамѣ митрополитѣ ростовскомъ и ярославскомъ, и при игумене Варламѣ Ферапонтова монастыря». На восточной сторонѣ раки находится слѣдующій неизвѣстно куда относящейся отрывокъ надписи: «...лите Кирилѣ. и архиепископѣ ростовскомъ Корниліе. и при игуменѣ Игнатіе тоя обители». А. Н. Муравьевъ, читавший эту надпись, принялъ послѣднюю цифру въ датѣ за ۴ за ۷ и прочиталъ 7151 вместо 7154. Русская Фиваида, с. 385.

освященія ихъ извѣстенъ изъ надписей на сохранившихся отъ того времени осмиконечныхъ деревянныхъ крестахъ, какіе обыкновенно употреблялись при освященіи церквей. Согласно



Иконостасъ и царское паникалило въ соборной Рождественской церкви.

этой надписи, Богоявленская церковь была освящена въ 1649, а въ томъ же году и церковь пр. Феодоронта<sup>1</sup>. Обѣ

<sup>1</sup> Надпись на крестѣ церкви Богоявленія: «Освятиси олтаръ сей Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и водруженъ бысть кресть сей въ церкви Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа лѣта 7157 мѣсяца августа въ 28 день при благовѣрномъ царѣ и вели-

церкви представляютъ собою одно помѣщеніе, раздѣленное аркою на двѣ половины: въ сѣверной находится церковь Богоявленія, въ южной — пр. Ферапонта; у каждой свой отдельный алтарь. Размеры обѣихъ церквей очень невелики: обѣ церкви имѣютъ въ длину отъ сѣверной стѣны до южной всего 5 сажень, а отъ иконостаса до западной стѣны  $1\frac{1}{2}$  сажени. Алтари имѣютъ отъ з. къ в. не болѣе  $3\frac{1}{2}$  аршинъ. Входъ въ церкви общій, съ южной стороны, по крытой деревянной лѣстницѣ. Надворотнія церкви имѣютъ два островерхія верха, которые придаютъ монастырскимъ воротамъ своеобразный идѣи, напоминающій нѣсколько островерхія кровли средневѣковой готики.

Кромѣ пяти каменныхъ церквей въ Ферапонтовѣ было три каменныхъ погреба съ «сушилами». Одно изъ нихъ, «большое сушило», сохранилось доселѣ рядомъ со святыми воротами на югозападномъ углу монастыря. Въ погребахъ и сушилахъ хранились хлѣбные и другіе монастырские запасы. Изъ каменныхъ зданій въ XVII вѣкѣ упоминаются еще: казенная палата (повидимому, то самое помѣщеніе, которое примыкаетъ къ монастырской трапезѣ съ южной стороны), «Ѣственная» каменная палата, поварня и придѣланныя къ св. воротамъ «кѣлья да сторожка каменные». Остальные зданія были деревянныя. Въ 1673 году въ монастырѣ было деревянного строенія «21 келья старыхъ и новыхъ съ сѣнми и засѣньями и со всѣмъ строеніемъ». Кругомъ монастырь былъ обнесенъ деревянной оградой, которая была уничтожена пожаромъ въ 1666 году вмѣстѣ съ многими деревянными постройками. Нѣкоторыя зданія находились въ монастыря. Такъ за черными воротами (на сѣверъ отъ монастыря) «стояла поварня квасная и при ней служебная келья». Противъ нея находилась шваленная изба съ сѣнями и чулан-

---

комъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ всея Россіи и при патріархѣ Іосифѣ Московскому и всея Россіи и при митрополитѣ Варлаамѣ ростовскому и ярославскому». Церковь пр. Ферапонта освящена «лѣта 7158 октября въ 9 день», т. е. почти чрезъ  $1\frac{1}{2}$  мѣсяца послѣ освященія Богоявленской церкви. Мы опять должны отмѣтить невѣрность въ показаніяхъ А. Н. Муравьевъ, по словамъ котораго Богоявленская церковь «была сооружена въ 1645 году, какъ явствуетъ изъ напрестольного креста». Русская Фиваида, с. 386.

нами: въ ней жили «мастеровые люди». Противъ воротъ черезъ дорогу стояль конюшennyй дворъ съ горницей на подклѣти, при немъ конюшня, сънницы и амбary. Кромѣ того подъ монастыремъ находился скотный дворъ и три мельницы съ амбарами: одна вблизи монастыря, двѣ другихъ нѣсколько дальше на рѣчкѣ Паскѣ за Паскимъ озеромъ<sup>1</sup>. Таковы были постройки монастыря въ 1673 году, т. е. какъ разъ въ то время, когда въ Оерапонтовѣ жиль патріархъ Никонъ.

Въ первое время Оерапонтовъ монастырь существовалъ отчасти, благодаря неутомимымъ трудамъ его насельниковъ, отчасти при помощи нѣкоторыхъ христолюбцевъ, послыавшихъ ему милостыни. Житіе разсказываетъ, что князь Андрей Димитревичъ, узнавъ о возникновеніи обители, взяль ее подъ свое покровительство и даль ей земли съ рѣками и озерами «въ питаніе обитателемъ тѣмъ». Итакъ еще при своемъ основателѣ Оерапонтовъ монастырь владѣлъ земельной собственностью. Извѣстно, между прочимъ, что пр. Кириллъ купилъ у пр. Оерапонта починокъ Мигачевскій<sup>2</sup>.

Послѣ ухода пр. Оерапонта въ Можайскъ земельная владѣнія основанаго имъ монастыря продолжали постепенно расширяться. Можайскіе князья, согласно обѣщанію Андрея Димитревича, не забывали Оерапонтовой обители. По словамъ житія, они «не токмо дома великія приложиша съ пашнями, но и озера многія и рѣки, и на нихъ грамоты жалованныя съ крѣпкими подписями и печатми Пречистыя ради Богородицы даже и донынѣ нами видими суть». До нась не сохранилось грамотъ, данныхъ на имя пр. Оерапонта и его первыхъ замѣстителей. Всѣ извѣстныя намъ грамоты, данные Оерапонтову монастырю, относятся уже ко временамъ пр. Мартиніана и его преемниковъ. Житіе не даромъ приписываетъ ему заслугу расширенія и укрѣпленія обители. Первая по времени изъ этихъ грамотъ дана княземъ Иваномъ Андреевичемъ (сыномъ князя Андрея), въ 1435 году на деревню Крохинскую (на р. Шекснѣ близъ Бѣлозерска). Князь даль-

<sup>1</sup> Отписныя книги Оер. мон. 1673 г. (рк.).

<sup>2</sup> Рус. Ист. Библ. II № 9. За деревню Мигачевскую „серебро платить отъ игумена отъ Кирилла чернецъ Денисей черницу Оерапонту“. См. проф. Никольский I, 1, прилож. З, с. XLII.

эту деревню Ферапонтову монастырю «по матери своей по княгине по Огрофене»<sup>1</sup>. Имя игумена въ этой грамотѣ не упомянуто, но въ этомъ году игуменомъ, вѣроятно, былъ уже пр. Мартиніанъ, который во всякомъ случаѣ въ это время жилъ въ Ферапонтовѣ. Другой сынъ князя Андрея, Михаиль Андреевичъ, въ годъ своей свадьбы (около 1437 года) пожаловалъ Ферапонтову монастырю пустоши и пашни въ окрестностяхъ обители<sup>2</sup>. При игуменѣ Германѣ, преемнике пр. Мартиніана, Ферапонтовъ монастырь получилъ отъ князя Михаила Андреевича лѣсъ на рѣкахъ Сусль и Шелекшъ<sup>3</sup>.

Предъ своей смертью († 1485) князь завѣщалъ Ферапонтову монастырю «Липникъ да Марозеро» (около Бѣлаго озера)<sup>4</sup>. Великій князь Иванъ Ивановичъ (сынъ Ивана III?) далъ Ферапонтову монастырю село Остроконье въ замошской волости бѣлозерскаго уѣзда, а другой сынъ Ивана III Юрий Ивановичъ Дмитровскій далъ село Парамоново въ дмитровскомъ уѣздѣ<sup>5</sup>. Княземъ Андреемъ Кемскимъ данъ Коневскій лугъ на р. Ковжѣ за Бѣлымъ озеромъ (въ 1568 году)<sup>6</sup>.

Земли жертвовались въ монастырь не только князьями, но и простыми людьми съ согласія князей. Такъ Данило Блинъ около 1444 года далъ «въ домъ Пречистой въ Мартемьяновъ монастырь свою куплю Сару Михайловское сельцо со всѣми пустошами, съ лѣсами и пожни»<sup>7</sup>. Конюшій в. княгини Софіи Витовтовны (матери в. к. В. В. Темнаго) Иванъ Юрьевичъ

<sup>1</sup> Акты юрид. № 5.

<sup>2</sup> „Святая дѣла Богородицы, се язъ князь Михайлъ Оndреевичъ пожаловалъ есми игумена Мартемьяна съ братью Ферапонтовой пустыни, на Ципинъ Онтушовская пустошь, да Еенимьевская пустошь, да Федкова пустошь Горяя; да на Бородавъ Волкова пустошь, да Захаровская пустошь, да Кнышевская пустошь, да въ Зазерницахъ Гридинская пустошь, Да выдковская пустошь, да Зиновова пустошь, да Нилосова пустошь, да Гриди Чернаго пустошь да Уломскія пожни, да и что къ тѣмъ пустошемъ потягло“... „А дана грамота того лѣта коли государь князь Михайлъ Оndреевичъ женился“. А. А. Э., I, № 31.

<sup>3</sup> Акты юрид. № 5.

<sup>4</sup> Собрание госуд. грамотъ и договоровъ, I. № 121, 122.

<sup>5</sup> Кормовая книга Ферапонтова монастыря, рк. л. 6 об. и 25 об.

<sup>6</sup> Акты юрид. № 116.

<sup>7</sup> Акты юрид. № 3.

«далъ игумену Мартемьяну съ братьемъ свои земли въ Янгосарѣ (въ вологодскомъ уѣздѣ) и съ лѣсы и съ пожнями и съ селищи... по своей души». Этотъ даръ конюшаго былъ подтверждены въ княгиней въ грамотѣ отъ 4 августа 1448 года<sup>1</sup>. Въ 1484 году вотчинникъ Григорій Перхушковъ далъ «въ Мартемьянову пустынь по своемъ роду и по своей души въ Востромъ концѣ деревни и пустыя селищи»<sup>2</sup>. Вологжанинъ Семенъ Клепало далъ монастырю пожну Клепалицу на р. Сухонѣ въ 1518 году<sup>3</sup>.

Кромѣ земель, получаемыхъ въ даръ, монастырь приобрѣталъ иѣкоторыя земли покупкою. Въ 1438 году кн. Михаиль Андреевичъ разрѣшилъ пр. Мартиніану купить у Тупика пустоши въ Сороярѣ<sup>4</sup>. Преемникъ Мартиніана игуменъ Германъ въ 1450 году купилъ «земли на Короткой рѣчкѣ у архимандрита Касьяна общаго монастыря можайскаго»<sup>5</sup>. Въ XVI вѣкѣ Ферапонтову, принадлежали, кроме упомянутыхъ земель, еще многія села и де-



Орнаментъ на паникадилѣ, пожалованномъ Ферапонтову монастырю царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ.

<sup>1</sup> А. А. Э. № 41.

<sup>2</sup> Акты юрид. № 122.

<sup>3</sup> Кормовая книга, л. 11 об. Перечень монастырскихъ грамотъ въ отписныхъ книгахъ 1690 года, рк.

<sup>4</sup> А. А. Э., I, № 36.

<sup>5</sup> Тамъ же № 44. Куплены были: „Енкинская пустошь, Мелеховская пустошь, на Кицемскомъ островѣ Осташовская п., на Уломскомъ озерѣ островъ, что къ тѣмъ землямъ и пустошамъ потягло изъ старины, лѣсы и пожни, Водышское озеро, Кишемское озеро, Палпемьское озеро, Коининское озеро, на Уломѣ рѣцѣ 4 наволочки и кудѣ топоръ ходить и коса и соха ходила“.

ревни<sup>1</sup>. Нѣкоторыя вотчины Ферапонтова монастыря находились въ дальнихъ уѣздахъ: дмитровскомъ, (села: Парамоново, Аксеново), костромскомъ (Ефимово, Квасило, Сычево) и галицкомъ (Молевъ починокъ), какъ видно изъ описи монастырскихъ грамотъ.

Появленіе Ферапонтова монастыря въ глухомъ Бѣлозерскомъ краю имѣло большое значеніе для оживленія этой дикой мѣстности. Это значеніе хорошо понимали древніе князья. Желая содѣйствовать монастырю въ колонизаціи края, они предоставляли ему право перезывать на свои земли крестьянъ изъ другихъ вотчинъ, за исключеніемъ своихъ княжескихъ. Селившимся на монастырскихъ земляхъ давалась свобода отъ податей на 10 или 20 лѣтъ, а также свобода отъ суда княжескихъ волостелей съ подчиненіемъ игуменскому суду во всѣхъ дѣлахъ, «опричь душегубства»<sup>2</sup>. Занимая земли «кудѣ топоръ и коша и соха ходили», монахи являлись распространителями культуры въ этомъ дикомъ краю. Князь Михаилъ Андреевичъ разрѣшилъ игумену Мартемьяну съ братіей чистить болото противъ монастырского села Крохина<sup>3</sup>. Въ монастырскихъ вотчинахъ населеніе увеличивается, въ селахъ одна за другою ставятся церкви для крестьянъ. Въ 30-хъ годахъ XVI вѣка извѣстны уже шесть церквей, поставленныхъ въ монастырскихъ вотчинахъ, кроме Бородавской, построенной еще въ XV в.<sup>4</sup>.

Въ началѣ XVII в. въ восьми волостяхъ бѣлозерскаго уѣзда Ферапонтову монастырю принадлежали «два погоста, да

<sup>1</sup> Такъ Ферапонтову принадлежали, между прочимъ: „деревни на Словинскомъ Волочку, на Кленовѣ, на Чеберомъ озеркѣ и на Бородавѣ, да въ Надпорожскомъ стану въ Карголомѣ и въ Озаткахъ и въ Лозѣ село Лукьянновское Козохта съ деревнями да въ Пунемѣ Вожга“. Отрывокъ изъ пересказа грамоты (7047 г.?) на монастырскія вотчины въ бумагахъ Ферапонтова монастыря.

<sup>2</sup> А. А. Э., I, 31, 36, 41, 47; Акты юрид. № 5.

<sup>3</sup> Акты юрид. № 5.

<sup>4</sup> Въ 1533 году архіепископъ ростовскій Кириллъ освободилъ отъ дани слѣдующія шесть церквей, стоявшія на монастырской землѣ: „церковь Богоявленія Господа нашего Иисуса Христа въ Козотѣхъ, да церковь св. чудотворецѣ Никола на Кленовѣ, да св. пророкъ Илія на Чипинѣ, да Петръ святой на рѣцѣ на Суслѣ на пустынѣ, да Петръ же святой на Сидѣ, да церковь Зачатія Пр. Богородицы въ Раменейцѣ, въ Бѣлозерской десятицѣ“. А. А. Э., I, 176.

4 села, да 2 сельца, да 52 деревни живущихъ, да 3 деревни пустыхъ<sup>1</sup>. Крестьяне платили оброкъ монастырю хлѣбомъ и деньгами. Для собиранія оброка и завѣдыванія хозяйствомъ въ монастырскихъ селахъ жили посельские старцы и цѣловальники.

При обиліи озеръ и рѣкъ въ Бѣлозерской области большое значение въ хозяйствѣ монастыря имѣли рыбная ловля. Еще во времена пр. Мартиніана кн. Михаиль Андреевичъ позволилъ монастырскимъ ловцамъ безпопытно ловить рыбу «на Бѣлѣзерѣ и на Прутищѣ на Осиновомъ и въ Шекснѣ», гдѣ монастырю принадлежали участки въ «ѣзахъ» (тоняхъ), и торговатъ сущемъ и рыбой въ Бѣлозерскѣ и во всей княжеской вотчинѣ<sup>2</sup>. На самомъ Бѣлѣзерѣ Ферапонтову принадлежали двѣ тони, а на Шекснѣ ему изстари принадлежала тоня въ устьяхъ Шексны отъ рѣки Бородавы до рѣки Чайки<sup>3</sup>. Бородавское озеро, на берегу котораго стоялъ Ферапонтовъ, также принадлежало ему, впрочемъ не все цѣликомъ: четвертая часть его, какъ известно изъ писцовыхъ книгъ XVI в., принадлежала государю<sup>4</sup>. Изъ другихъ озеръ Ферапонтову принадлежали: Сороярское озеро, которымъ онъ владѣлъ со-

<sup>1</sup> „Выпись съ вологодскихъ писцовыхъ книгъ 7136—7138 г., отрывокъ въ бумагахъ упразд. Ферапонтова монастыря.

<sup>2</sup> Акты юрид. № 5.

<sup>3</sup> Указъ Бѣлозерской провинціальной канцеляріи отъ 13 марта 1744 года (рк. въ бумагахъ монастыря). Шексна издавна славилась своими стерлядями („шекснинска стерлядь “упоминается и въ стихахъ Державина), но теперь онѣ становятся въ ней рѣдкостью. Въ XVII вѣкѣ ферапонтовскіе крестьяне села Крохина вмѣстѣ съ другими крестьянами Каргулиной слободы и Великоселья брали на оброкъ „заповѣдныя воды государевы“ (царскія тони) на Шекснѣ. Въ теченіи года они должны были доставить на царскій рыбный дворъ въ Бѣлозерскѣ 223 живыхъ стерляди длиной по  $\frac{3}{4}$  аршина „отъ глаза до хвостового по-слѣднаго пера“. Стерляди менѣе этой мѣры отдавались 3 за 2 и 2 за 1. За стерлядей, доставляемыхъ сверхъ оброчного числа, государевъ рыбный дворъ платилъ: за стерлядь въ аршинъ длиною — 10 денегъ, за  $\frac{3}{4}$  аршина — 8 д., за  $\frac{1}{2}$  арш. — 3 деньги. Малыя стерляди по царскому указу велено было опускать назадъ въ воду „впредь для плода“. Дополн. къ акт. ист. т. VI, № 74. Въ настоящее время большія стерляди въ Шекснѣ попадаются очень рѣдко.

<sup>4</sup> „четыре того озера царя и великаго князя... а  $\frac{3}{4}$  Ферапонтова монастыря“. Писцовая книга, изд. Рус. Геогр. Общ. Ч. I, отд. 2. Спб. 1877. Бѣлозерскій уѣздъ 411—417.

обща съ Кирилловымъ монастыремъ<sup>1</sup>, озера Водышское, Кишемское, Палашемское, Конинское и др. Изъ приходорасходныхъ книгъ ѿерапонтовскихъ XVII вѣка видно, что у монастыря были особые ловцы-крестьяне, для которыхъ постоянно покупались рыболовныя принадлежности.

Не лишены интереса въ бытовомъ отношеніи споры, въ которые ѿерапонтовъ монастырь не разъ вступалъ съ сосѣдями изъ-за своихъ земельныхъ владѣній. Первый известный намъ споръ былъ съ Кирилловымъ монастыремъ при игуменахъ кирилловскомъ Касьянѣ и ѿерапонтовскомъ Германѣ около 1450 года. Споръ возникъ объ озерѣ Уломскомъ. Здѣсь на островѣ кирилловскіе монахи построили «пять хоромъ». Игуменъ ѿерапонтовскій Германъ велѣлъ тѣ хоромы изломать и бросить въ воду. Однако кн. Михаилъ Андреевичъ, «обыскавъ того по старинѣ, какъ было при отцѣ его Андрѣѣ Дмитріевичѣ», рѣшилъ споръ въ пользу Кириллова монастыря, обязавъ игумена Германа построить вновь разрушенныя имъ хоромы на томъ же самомъ мѣстѣ<sup>2</sup>. Это былъ не единственный случай спора между двумясосѣдними обителями, судя по тому, что князь Михаилъ Андреевичъ велѣлъ Аѳанасію Внукову отвести земли Кириллова монастыря отъ ѿерапонтовскихъ подлѣ озера Сороярскаго и рѣчки Илосы, чѣмъ и было сдѣлано въ присутствіи старцевъ, представителей обоихъ монастырей<sup>3</sup>.

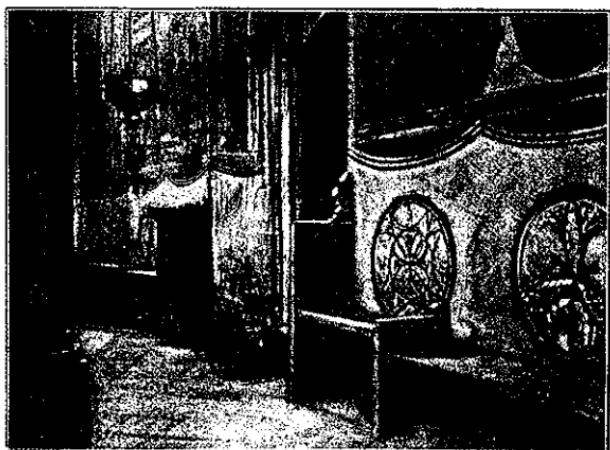
Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка у ѿерапонтова монастыря возникло нѣсколько земельныхъ споровъ съсосѣдними крестьянами. Споры эти не всегда оканчивались въ пользу иноковъ. Такъ при князѣ Иванѣ Васильевичѣ III ѿерапонтовской старецъ Кириллъ судился съ крестьянами южской волости изъ за пустошней на рѣкахъ Югѣ и Сарѣ, данныхыхъ монастырю Даниломъ Блиномъ за восемь лѣтъ передъ тѣмъ. Хотя старецъ Кириллъ представилъ судьямъ самого вкладчика, Данилу Блина, и его грамоты: купчую и вкладную вмѣстѣ съ грамотой князя Михаила Андреевича, но судьи указали на несоблюденіе въ грамотахъ нѣкоторыхъ формальностей (отсут-

<sup>1</sup> Рус. Ист. Библ., II, № 25.

<sup>2</sup> Д. Мейчикъ. Грамоты XV и XVI вв. Московскаго Архива Министерства Юстиціи. 1883. М. Прилож. стр. 100.

<sup>3</sup> Русск. Ист. В., II, № 25.

ствіе княжеской печати, а также подписей дьяка и послуховъ) и рѣшили дѣло въ пользу крестьянъ<sup>1</sup>. Такъ же не въ пользу монастыря окончилась тяжба его съ крестьянами Словинскаго Волока о разчищенному лѣсѣ на р. Суслѣ. Она тянулась нѣсколько лѣтъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, пока наконецъ по слову в. к. Ивана Васильевича писецъ Василій Наумовъ «крестьянъ оправдалъ, а еерапонтовскаго старца Фегнаста Батмана обвинилъ<sup>2</sup>. Около 1490 года писцы вел. князя приписали къ Бѣлозерску принадлежавшее Еерапонтову монастырю село Крохино, оста-



Мѣста келаря и казначея въ соборной церкви.

вивъ старцамъ только мѣсто подъ дворъ въ 30 сажень. Но на этотъ разъ еерапонтовскому старцу Евстратію удалось отстоять права монастыря послѣ предъявленія трехъ княжескихъ жалованныхъ грамотъ и послѣ долгихъ прещирательствъ<sup>3</sup>. Эти тяжебныя дѣла, съ протокольной подробностью изложенныя въ допшдшихъ до нась судныхъ и правыхъ грамотахъ, наглядно воспроизводятъ картину земельныхъ споровъ въ древней Руси. Какъ видно, суды относились съ большой осторожностью къ грамотамъ, предъявляемымъ тяжущимися сторонами. Важное значеніе имѣль тогда голосъ свидѣтелей старожиловъ. Въ дѣлѣ о Крохинской деревни суды, нѣ доволь-

<sup>1</sup> Акты юрид. № 3.

<sup>2</sup> Тамъ же, № 11.

<sup>3</sup> Акты юрид. № 5.

ствуясь предъявленными монастырем грамотами, призвали старожилов Гриду Лимонова 90 лѣть да Іова Терехова 70 лѣть, которые и рассказали имъ исторію Крохинской деревни по своей памяти. Иногда свидѣтели старожилы давали противорѣчивыя показанія, чѣмъ ставили судей въ затруднительное положеніе. Въ спорномъ дѣлѣ Ферапонтова монастыря съ Есюнинскими крестьянами о сусельскихъ земляхъ (въ 1530 году) свидѣтели старожилы ферапонтовскіе и есюнинскіе взаимно упрекали другъ друга во лжи. Обѣ стороны выражали готовность рѣшить дѣло судомъ Божіимъ, нѣсколько разъ заявляя судѣ: «дай намъ, господине, съ ними въ томъ Божію правду, цѣлуемъ крестъ да лѣземъ на поле битися». Дѣло это докладывалось потомъ у великаго князя и кончилось тѣмъ, что судья Федоръ Гнѣвшевъ приказалъ ферапонтовскимъ старожиламъ съ иконой въ рукахъ обойти по спорнымъ межамъ и по ихъ указанію отвелъ монастырскія земли отъ крестьянскихъ<sup>1</sup>.

Насколько нетвердо были установлены границы монастырскихъ владѣній даже въ половинѣ XVI вѣка, можно видѣть изъ того, что въ 1546 году ферапонтовскій игуменъ Гурій бывъ челомъ в. князю Ивану Васильевичу Грозному на крестьянъ Словинского Волочка и волостей Цыпинской и Иткольской, присвоившихъ себѣ въ разныхъ мѣстахъ монастырскіе починки и деревни. По этой жалобѣ Грозный поручилъ Третьяку Гнѣвшеву вмѣстѣ съ судьею, котораго выбрали отъ себя крестьяне,ѣхать на спорные земли и тамъ въ присутствіи старостъ, цѣловальниковъ и тutoшнихъ старожильцовъ обыскать, «чья то земля и лѣсъ и ножни и починки и деревни изстари» и по этому обыску учинить межи и положить грани<sup>2</sup>. Въ началѣ XVII в. владѣнія монастыря были вновь описаны въ бѣлозерскихъ и вологодскихъ писцовыхъ книгахъ, выписи изъ которыхъ хранились въ монастырской казнѣ. Тѣмъ не менѣе споры о земляхъ продолжали возникать до конца XVII в.<sup>3</sup>.

Русскіе монастыри въ старину пользовались разными льготами отъ князей. Много льготъ получилъ въ свое время отъ рус-

<sup>1</sup> Тамъ же, № 154.

<sup>2</sup> А. А. Э., I, 209.

<sup>3</sup> Опись монастырскихъ грамотъ въ отписныхъ книгахъ 1690 года (рк.).

скихъ князей и государей и Ферапонтовъ монастырь. Мы уже упоминали выше объ освобождениі монастырскихъ крестьянъ отъ податей и мірскаго суда. Эти льготы подтверждены были потомъ грамотами Иоанна Грознаго (1541 и 1584 г.) и Михаила Феодоровича (1624)<sup>1</sup>. Монастырские люди не свободны были только «отъ ямскихъ денегъ, стрелецкихъ хлѣбныхъ запасовъ и городового и острожного дѣла». Извѣстны и другія льготы, содѣйствовавшія экономическому благосостоянію монастыря. Верстахъ въ 10 отъ Ферапонтова находился Словинскій Волокъ—древнѣйшій торговый путь между Шексной и системой Кубенскаго озера къ Бѣломорскому побережью. Князь Михаилъ Андреевичъ при кирилловскомъ игуменѣ Касьяне<sup>2</sup> (1448—1469) «пожаловалъ» Кирилловъ и Ферапонтовъ монастыри: «велѣль имъ треть волочити а два жеребя велель... волочити волочѧномъ волостнымъ людямъ и слугамъ и чернымъ<sup>3</sup>. При жизни пр. Мартиніана монастырю было разрѣшено торговать безпошлино рыбой и сущемъ (сушеные снѣтки) по всей княжеской вотчинѣ<sup>3</sup>. Въ той же грамотѣ онъ освободилъ монастырь отъ рыбнаго оброку при ловлѣ рыбы на Бѣлозерѣ и Шекснѣ («ино имъ не надобъ рыбное, ни ночь княжа»). При Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ монастырю дано было право провозить безпошлино запасы, покупаемые въ разныхъ городахъ. Такъ въ грамотѣ 1539 года разрѣшено было монастырю купить въ Каргополѣ соли «десятьдесять» пудовъ, да въ другихъ городахъ, Москвѣ, Бѣлозерскѣ или Вологдѣ, разрѣшалось покупать одинъ разъ въ годъ на монастырской обиходѣ 200 пудовъ меду, да 1000 четъ ржи да 1000 четъ овса да на 50 рублей рыбы и масла. При провозѣ этихъ товаровъ въ монастырь намѣстникамъ и таможникамъ не велѣно было «тамги имати и вѣсчего и подряднаго и гостинаго и мостоваго и перевознаго и побережнаго и амбарнаго и перду и привозу и отвозу и иныхъ некоторыхъ пошлинъ». Крестьяне монастырскихъ вотчинъ освобождены были отъ обязанности давать подводы боярамъ, дьякамъ и служилымъ людямъ. Всѣ

<sup>1</sup> Тамъ же.

<sup>2</sup> См. Никольскій, I, 1, с. 17, пр. 2.

<sup>3</sup> Акты юрид. № 5. Но въ таможенной бѣлозер. грамотѣ 1497 года это право было уже ограничено: Ферапонтову позволено было торговать только въ Бѣлозерскѣ, а „за озеро ѻздити не велѣно“. А. Э., I, 184.

эти льготы подтверждены были грамотой Михаила Феодоровича въ 1624 году<sup>1</sup>.

Многочисленность извѣстныхъ намъ княжескихъ и царскихъ грамотъ, жалованныхъ Ферапонтову монастырю, показываетъ, что эта скромная обитель не была забыта древними князьями и государями<sup>2</sup>. Нѣкоторые изъ нихъ упоминали о Ферапонтовѣ въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ, оставляя ему вклады на поминъ души. Такъ Михаилъ Андреевичъ, бывшій покровителемъ монастыря при своей жизни, завѣщалъ ему въ своей духовной грамотѣ «на поминокъ по своемъ роду и по своей души Липникъ да Марозеро». Но если великій князь Иванъ Васильевичъ, которому послѣ его смерти будетъ принадлежать Бѣлозеро, захочетъ оставить эти села у себя, то онъ долженъ уплатить монастырю «50 рублейъ». Кромѣ того въ этомъ завѣщаніи мы находимъ любопытное упоминаніе о долгѣ князя монастырю въ размѣрѣ 2 рублей, которые занялъ на соль княжескій человѣкъ Микитка<sup>3</sup>. Племянникъ великаго князя кн. Иванъ Борисовичъ Волоцкой въ своей духовной грамотѣ завѣщалъ по себѣ и по своей матери въ Мартемьяновъ монастырь 10 рублейъ да кожухъ бархатъ на соболехъ шить золотомъ да серебромъ»<sup>4</sup>. Несчастный внукъ великаго князя — Димитрій Ивановичъ, печально кончившій дни свои въ тюрьмѣ (1509), просилъ въ свое мѣсто завѣщаніи послать

<sup>1</sup> Содержание этихъ обѣихъ грамотъ, Ивана Грознаго и Михаила Феодоровича (на сколько намъ извѣстно, нигдѣ не напечатанныхъ), изложено въ отрывкѣ рукописи XVII в., любезно предоставленной въ наше пользованіе досточтимымъ настоятелемъ церкви упраздненнаго Ферапонтова монастыря о. П. А. Разумовскимъ вмѣстѣ съ другими документами — остатками монастырскаго архива.

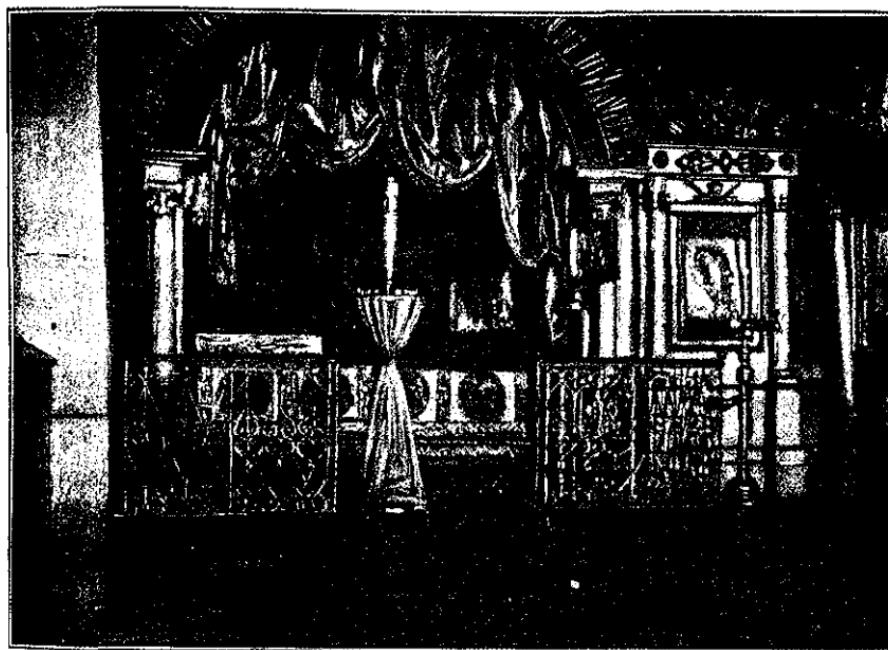
<sup>2</sup> Въ перечнѣ грамотъ, хранившихся въ монастырской казнѣ, упоминаются грамоты слѣдующихъ князей: Михаила Андреевича (1), Ивана Васильевича Грознаго (11), Феодора Ивановича (1), Владимира Андреевича (1), Михаила Феодоровича (6), Алексея Михайловича (1), Феодора Алексѣевича (1), царевичей Иоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи (2). Отписные книги є. м. 1690 г. Хотя этотъ перечень далеко не полонъ и не заключаетъ въ себѣ нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ печати грамотъ, но за то въ немъ упоминаются и такія грамоты, которыхъ, по-видимому, доселѣ нигдѣ не были изданы.

<sup>3</sup> Собр. госуд. грамотъ, I, №№ 121, 122.

<sup>4</sup> Собр. госуд. грамотъ, I, № 182.

милостыню въ поминъ своей души, между прочимъ, и въ Оера-  
понтовъ монастырь <sup>1</sup>.

Некоторые князья сами прѣѣзжали въ монастырь на бо-  
гомолье. Выше уже было сказано о посѣщеніи монастыря  
ки. Василемъ Васильевичемъ Темнымъ въ игуменство пр. Мар-  
тина. Въ 1528 году въ декабрѣ Оерапонтовъ монастырь  
посѣщенъ былъ в. княземъ Василемъ Ивановичемъ, который  
вмѣстѣ съ супругой Еленой ѿѣзжалъ тогда на богомолье въ



Рака пр. Мартиніада.

Вологду и Кирилловъ монастырь, чтобы испросить себѣ давно  
желанного наслѣдника <sup>2</sup>. Вскорѣ послѣ этой поѣздки родился  
у нихъ сынъ Иванъ (25 августа 1529 года). Приписывая  
рожденіе его молитвамъ чудотворца Кирилла, обрадованный

<sup>1</sup> Тамъ же, № 147.

<sup>2</sup> «Въ лѣто 7087 декабря ѿѣзжалъ князь великий Василий Ивановичъ  
всехъ Руси съ в. княгинею съ Еленою по монастырямъ молитися и былъ  
на Вологдѣ, въ Кирилловѣ, Оерапонтовѣ и, назадъ єдучи, былъ въ Яро-  
славлѣ». П. С. Р. Л., VI, с. 265.

отецъ велѣлъ поставить въ Кирилловѣ двѣ церкви по этому случаю. Впослѣдствіи самъ Иванъ Васильевичъ Грозный питалъ особую любовь къ Кириллову монастырю. Онъ былъ въ Кирилловѣ три раза, осыпалъ его щедрыми приношеніями и даже высказывалъ желаніе постричься въ немъ, приказавъ построить для себя особыя кельи.

Благодаря отчасти своему сосѣдству съ Кириловымъ монастыремъ, Ферапонтова обитель также пользовалась милостивымъ вниманіемъ къ ней грознаго царя. Преданіе о предсказаніи ферапонтовскому старцу Галактіономъ покоренія Казани, записанное въ Степенную книгу, конечно, было известно Грозному и могло содѣйствовать расположению его къ Ферапонтову монастырю. Иванъ Васильевичъ посѣтилъ Ферапонтовъ монастырь два раза въ 1547 и 1553 году. Въ послѣдний разъ онъ прѣѣхалъ въ Кирилловъ съ супругою Анастасіею, сыномъ Димитріемъ и братомъ Юріемъ. Оставивъ ихъ въ Кирилловѣ, онъ одинъ поѣхалъ оттуда въ Ферапонтовъ.

Большая часть грамоты, жалованныхъ Ферапонтову монастырю и хранившихся въ монастырской казнѣ, принадлежитъ Ивану Грозному. Достойны вниманія его щедрыя жертвы монастырю. Въ поминъ царицы Анастасіи († 1560) онъ послалъ «сто рублей да по иноке Александрѣ сто рублей, въ поминъ царевича Ивана 600 рублей, да по Иванѣ и Игнатіѣ и по семидесяти человѣкамъ опальныхъ побѣнныхъ крестъ золотой, да рѣзную икону Успѣнія, обложенную золотомъ съ каменями, да шубу во сто рублей, да звѣзду золоченую, да (по убитомъ имъ) сынѣ по царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ († 1582) спорокъ съ шубы венеціанского бархату съ петлями золотыми, да бархату лубскаго, да сани съ хомутомъ съ песцовыми хвостами и полсть и барсовой тюфякъ да по сыне же царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ ожерелье, терликъ<sup>1</sup>, седло бархатное съ камкою и 14 рублей; да 200 рублей да платья парчевые да посуды да материю да коешай золотыхъ 2 да чарокъ 5, да еще двѣ тысячи рублей, да платья шелковаго да сукна два постава»<sup>2</sup>. Ни прежде, ни послѣ Ферапонтовъ монастырь не имѣлъ такого щедраго жертвователя.

<sup>1</sup> Одежда, похожая на узкій каftанъ. См. Савваитовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей. 1896, с. 145.

<sup>2</sup> Опись царскихъ и другихъ вкладовъ въ Ферапонтовъ монастырь. „Новг. губ. вѣд.“ 1852 г., № 21.

Благоволили къ Оерапонтову монастырю и лица изъ царского дома Романовыхъ. Отецъ царя «великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ всеа Руси далъ 50 рублевъ да общую минею, инока царица Мареа Ивановна 50 рублевъ да она же дала по инокѣ царицѣ Мареѣ Федоровнѣ 50 рублевъ, да на церкву тридцать рублевъ, за царевну, за Ирину Михайловну». Самъ Михаилъ Феодоровичъ далъ «въ поминъ матери своей царицы иноки Мары сто рублевъ да (упомянутое выше) паникадило (мѣд)ное <sup>1</sup>.

Много пожертвованій монастырь получалъ отъ князей и бояръ. Нѣкоторые изъ нихъ жертвовали по нѣсколько разъ. Напр. боярыня Анна Васильчикова дала 50 рублевъ, а монастырь кормити, да она жъ дала заздравные 8 рублевъ 30 алтынъ 2 деньги, да она жъ дала милостыни 14 рублевъ, да она же 14 рублевъ, кн. Владимиръ Ивановичъ Воротынской далъ 60 рублевъ, да еще 15 рублевъ <sup>2</sup>. Всѣ пожертвованія записывались въ вкладную книгу <sup>3</sup>.

Давая въ монастырь вклады на поминъ души своей и своихъ родныхъ, жертвователи часто завѣщали по себѣ «кормъ кормити» т. е. ставить въ монастырь поминальную трапезу

<sup>1</sup> Тамъ же. Вкладъ Михаила Феодоровича внесенъ въ приходо-расходную книгу 7139 (1631) года подъ 30 августа (рк.). Въ той же книгѣ подъ 16 июня записано: „дано въ почесть трубнику поснику Шеметову, которой приѣзжалъ зъ государевою грамотою, за образъ и за сосуды поптина“.

<sup>2</sup> Тамъ же.

<sup>3</sup> Изъ описанія церкви упраздненнаго Оерапонтова монастыря, составленного священникомъ о. Арсеніемъ Разумовскимъ въ 1856 году, видно, что еще тогда хранилась при церкви книга вкладовъ — рукопись безъ начала и конца, писанная скорописью на сѣрий бумагѣ въ четверку и имѣвшая 76 листовъ. Она начиналась 7042 (1534) и оканчивалась 1650 (?) годомъ. Въ ней записаны были вклады весьма многихъ известныхъ въ древности лицъ. По словамъ о. Арсенія, „здесь встречаются имена и роды: Патріарха Никона, патріарха Адріана, митрополитовъ сибирскихъ и ростовскихъ, архіепископовъ Вологодскихъ и Вѣлозерскихъ, епископовъ новгородскихъ и князей: Старицкихъ, Кубенскихъ, Ушатыхъ, Лысковыхъ, Бѣльскихъ, Шуйскихъ, Воротынскихъ, Глиняскихъ, Щеняевыхъ, Черкасскихъ, Палецкихъ, Кемскихъ, Одоевскихъ, также Годуновыхъ, Юрьевыхъ, Нарышкиныхъ, Морозовыхъ, Шереметевыхъ, Третьяковыхъ, Собакиныхъ, Безобразовыхъ, Лыковыхъ, Стрешневыхъ и др. со вкладами о поминовеніи весьма, значительными по тогдашнему времени“.

въ дни поминовенія. Такъ въ 1477 году в. княгиня Марія Ярославовна завѣщала въ теченіи 15 лѣтъ устраивать «кормлю» разъ въ годъ, 1 мая, по старцѣ Пафнутию Боровскому и по своемъ супругѣ в. к. Василію Васильевичу Темномъ, для чего Ферапонтову монастырю назначалась милостыня 3 рубля въ годъ<sup>1</sup>. Сохранилась доселѣ «кормовая книга» въ которой записано, когда и по комъ слѣдовало «кормъ кормити». На ряду съ именами царей, патріарховъ, епископовъ, князей и бояръ мы видимъ здѣсь имена простыхъ смертныхъ, оставлявшихъ свои вклады въ монастырь<sup>2</sup>.

Заказывать «кормы» могли только лица, болѣе или менѣе состоятельный. Небогатые люди ограничивались записью своихъ имень въ монастырскій синодикъ на вѣчное поминовеніе. Въ XVII в. за внесеніе одного имени въ «подстѣнной» синодикъ платили 3 алтына 2 деньги. «Литейной» синодикъ стоилъ дороже: тамъ за одно имя платили полтину<sup>3</sup>. Въ синодикѣ ферапонтовскомъ, который доселѣ хранится въ церкви бывшаго монастыря, записаны роды патріарховъ, в. князей, царей, архиереевъ, игуменовъ обители и ея иноковъ, а также князей, бояръ и дворянъ московскихъ, монаховъ и простыхъ людей. Сюда же «по приговору» царя Ивана Васильевича Грознаго внесены имена его жертвъ: въ одномъ мѣстѣ ихъ записано 70, въ другомъ ихъ списокъ занимаетъ  $4\frac{1}{2}$  листа. По указу царя Алексея Михайловича въ синодикъ внесены имена казаковъ, убитыхъ подъ Азовомъ<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Дополн. къ акт. ист. I, № 210.

<sup>2</sup> Напримеръ: «кормъ кормити по Алексіе Маркове сыне Казакове а вкладу его пятдесятъ рублей,—по Мисаилѣ по Сукинѣ,—по Суворе Коаловѣ,—по Іоаннѣ по роспопѣ ухтюжскія волости и т. п.

<sup>3</sup> Приходорасх. кн. Фер. мон. 1673 г. (рк.)

<sup>4</sup> Синодикъ этотъ писанъ въ листъ уставомъ рукою „раба Божія Емельана“, который началъ переписывать его въ 7149 (1641) году. Заголовки писаны киноварью. Нѣкоторыя имена сопровождаются обозначеніемъ прозвища (попъ Ворыхайло, роспопа Девятый, Іона Бурко, Кондратій Дуракъ, черный дьяконъ Антоній по реклому Ерыкало, старецъ Александръ Тетеря, Іона Брюшина, Іовъ Лобанъ), рода занятій (баранникъ, красильникъ, солодянникъ, шапочникъ) и даже рода смерти (заблой, сожженой). Въ нѣсколькихъ случаяхъ обозначены и самые вклады (попъ Неміръ съ Вологды далъ 22 рубля, Симеонъ Кленало—познаню Клепалицу).

Въ общемъ пожертвованія въ монастырь достигали весьма значительной суммы, если принять въ соображеніе, что рубль въ старину стоилъ въ 10—16 и болѣе разъ дороже нынѣшняго. При небольшомъ размѣрѣ монастырскихъ вотчинъ денежные вклады и приношенія служили главнымъ источникомъ благосостоянія монастыря въ XVI вѣкѣ.

По внутреннему своему устройству и управлению Ферапонтовъ монастырь, насколько можно судить по приходо-расходнымъ книгамъ и другимъ документамъ XVII вѣка, напоминалъ собою порядки большаго Кириллова монастыря. Такъ же, какъ въ Кирилловѣ, мы встречаемъ здѣсь особое должностное лицо — строителя, который былъ въ монастырѣ вторымъ лицомъ послѣ игумена и завѣдывалъ всею хозяйственной стороной въ жизни монастыря<sup>1</sup>. Кромѣ игумена и строителя въ ряду должностныхъ лицъ Ферапонтова монастыря упоминается: келарь, казначей, житникъ, конюшій, старецъ, подкларникъ, чашникъ. Въ селахъ жили посельские старцы, завѣдывавшіе хозяйствомъ и сборомъ оброка съ крестьянъ. Монастырскими мельницами завѣдывали также особые старцы, ежемѣсячно сдававшіе казначею «помольныя» деньги.

Клиросныя должности — головщика, канонархиста, псаломщика, дьячка — въ XVII вѣкѣ исполнялись лицами, иногда не принадлежавшими къ числу братіи, за жалованье, платившееся имъ каждый мѣсяцъ<sup>2</sup>. Служащіе священникъ и дьяконъ также были на жалованье<sup>3</sup>. Въ 1673 году въ монастырѣ были:

<sup>1</sup> О порядкахъ управления монастырскимъ хозяйствомъ въ Кирилловѣ, см. этюдъ Н. П. Успенского: „О большихъ строителяхъ Кириллобѣлозерскаго монастыря“. Изд. Имп. Общ. Ист. и Древностей. М. 1896. Изъ всѣхъ монастырей бѣлозерскаго края должностность строителя была только въ Кирилловѣ и Ферапонтовѣ, с. 43.

<sup>2</sup> Вотъ напр. роспись жалованья имъ въ 1630 году: „Ноября въ 2 день дано крылошпанамъ і дьякомъ зажилово за прошлый мѣсяцъ октибрь: Аѳанасію головщику гривна, канонархисту дьякону Серапіону гривна, псаломщику Ерему Рожѣ два алтына, дьячку Ивану иконнику два алтына двѣ деньги, канонархисту Ондрющѣ два алтына двѣ деньги, Трошѣ да Зинѣ по два алтына, Ивашку десять денегъ“. Расходная книга Фер. мон. 7139 года (рк.).

<sup>3</sup> Дьякону Аѳанасію за то, что онъ многолѣтіе кликалъ на Рождество и Крещеніе, платили за каждое многолѣтіе въ 1627 году по 3 алт. 2 деньги, а въ 1630 году по гривнѣ. Служащій попъ Діонисій въ 1673 году получалъ въ мѣсяцъ 13 алт. 2 деньги.

«келарь, казначей, житникъ, конюшій, два священника, братіи 38 братовъ, служекъ 18 человѣкъ, служебниковъ 61 человѣкъ». Вотчинныхъ крестьянъ и бобылей числилось 383 человѣка<sup>1</sup>.

Въ экономическомъ отношеніи XVII вѣкъ былъ періодомъ упадка и раззоренія въ исторіи Ферапонтова монастыря. Это отчасти зависѣло отъ общихъ тяжелыхъ условій того времени. «Лихолѣтье», оставившее продолжительные слѣды въ видѣ всеобщаго раззоренія и оскудѣнія московскаго государства, печально отразилось и на благосостояніи Ферапонтовой обители. Монастырскія вотчины были раззорены воровскими шайками, много крестьянъ убито и замучено. Въ писцовыхъ книгахъ 1628—30 годовъ можно видѣть слѣды литовскаго разоренія при упоминаніи о пустыхъ деревняхъ и дворахъ<sup>2</sup>.

Постоянныя войны московскаго правительства, вызывавшія новые налоги и повинности, въ конецъ истощили и безъ того обѣднѣвшее населеніе. Монастырская казна уже не пополнялась вкладами въ такомъ обиліи, какъ это было въ XVI вѣкѣ. Мало того, самъ монастырь долженъ былъ удѣлять изъ своихъ средствъ на нужды государства. Такъ во время войны со Польшей въ 1655 году, по указу царя и патріарха, велѣно было изъ хлѣбныхъ запасовъ Ферапонтова монастыря отмѣрить половину ржи и четвертую долю овса, и приготовивъ изъ нихъ 600 четвертей сухарей да 200, крупъ и толокна, отправить подъ Смоленскъ на монастырскихъ и крестьянскихъ подводахъ. Съ большимъ трудомъ отправивъ половину запасовъ, монастырь жаловался на отсутствіе денегъ въ казнѣ и просилъ освободить его отъ доставки другой половины. Но патріархъ Никонъ не уважилъ этой просьбы и приказалъ доставить въ Смоленскъ и другую половину запасовъ «лѣтнимъ путемъ, когда вода вскроется»<sup>3</sup>. Кромѣ хлѣба подъ Смоленскъ требовались лошади: съ 50 дворовъ монастырь долженъ былъ доставить «по одной доброй лошадѣ (цѣною въ 5 рублей меринъ)»<sup>4</sup>. Правда,

<sup>1</sup> Отписные книги Фер. м. 1673 г. рк. По переписнымъ книгамъ 1645—7 гг. крестьянскихъ дворовъ за Ферапонтовымъ числилось 321. См. Никольскій, I, 1 прилож. стр. X.

<sup>2</sup> Напр.: „два двора пусты Ортюшки да Онтошки Карповыхъ — сошли безвѣсно съ московскаго разоренія“. Выпись съ писцовыхъ кн. 1628—30 гг. (рк.).

<sup>3</sup> Дополн. къ акт. ист., IV, № 1.

<sup>4</sup> Тамъ же, № 14.

послѣ шведской войны число монастырскихъ крестьянъ увеличилось вышедшими изъ шведскихъ областей корелянами, которые въ количествѣ 54 семействъ были поселены на монастырской землѣ. Но за этихъ поселенцевъ взималось въ казну по 4 рубля 5 алт. и 2 деньги за каждую семью. Монастырю трудно было уплатить эти деньги: бѣлозерскій воевода даже обвинялъ монастырскихъ властей въ недоплатѣ нѣкоторой части требуемой суммы<sup>1</sup>. Кореляне, какъ увидимъ ниже, оказались плохимъ приобрѣтенiemъ для монастыря. Къ довершенню своей бѣдности монастырь былъ раззоренъ пожаромъ въ 1666 году<sup>2</sup>.

Приходо-расходныя и отписныя книги монастыря рисуютъ намъ положеніе монастырской казны въ XVII вѣкѣ въ самомъ печальному видѣ. Въ 1627 году въ казнѣ было на лицо 41 рубль 6 алтынъ 3 деньги, а въ 1673 году наличность монастырской казны доходила до 4 рублей 9 алт. и 2 денегъ и даже до 1 рубля 18 алтынъ<sup>3</sup>. Такая скудость казны объясняется неисправностью какъ обѣднѣвшихъ крестьянъ-плательщиковъ, по цѣлымъ годамъ не вносившихъ оброковъ, такъ и другихъ должниковъ, не платившихъ долговъ по своимъ кабаламъ (долговымъ роспискамъ). Въ 1673 г. монастырь долженъ былъ получить по оброчнымъ записямъ и 83 кабаламъ 403 рубля 16 алтынъ 3 деньги. По приходо-расходнымъ книгамъ можно судить, какъ тяжело временами приходилось монастырю. Въ иные мѣсяцы расходъ превышалъ приходъ, и монастырскій казначей вынужденъ былъ занимать деньги на текущіе расходы то у патріарха Никона, жившаго тогда въ монастырѣ, то у служащаго чернаго попа Діонисія, то наконецъ у церковнаго старосты сосѣдней Ильинской церкви<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Тамъ же, № 82.

<sup>2</sup> Проф. прот. П. Ф. Николаевскій. Жизнь патр. Никона въ ссылкѣ, и заключеніи послѣ осужденія его на московскомъ соборѣ 1666 года. „Христіанско Чтеніе“ за 1886 г. (отд. оттискъ, с. 15, 120).

<sup>3</sup> Отписныя и приходо-расходныя книги Ф. м. 1626 и 1673 гг. (рк.).

<sup>4</sup> Приходо-расход. книга Ф. м. за 1673—74 г.: „Ноября въ 20 день занято у святѣйшаго Никона патріарха пять рублей денегъ въ кабалу на введенскую ярмарку въ Кириловъ монастырь. — Генваря въ 10 день занято у великаго господина святѣйшаго Никона патріарха трицать рублей въ кабалу. — 8 іюна у чернаго попа Деонисія занято на Кириловскую ярмарку четыре рубли. въ 17 день занято же у церковнаго старосты у Данила Иванова церковныхъ денегъ отъ Ильи Пророка три рубли для

Въ 1666 году, по пріѣздѣ въ Ферапонтовъ патріарха Никона, братія въ членобитной государю такъ жаловалась на бѣдность монастыря: «монастырь у насъ бѣдный и скудный и погорѣль безъ остатку и келейнымъ покоемъ истѣснене великое и хлѣбу недорода — вызябъ весь, а крестьянъ твоего жалованья за монастыремъ 321 дворъ, и то въ разныхъ городахъ». Въ письмахъ Никона государю постоянно встречаются указания на скудность обители. «Жизнь въ Ферапонтовомъ монастырѣ скучная, пишетъ Никонъ, вотчина за нимъ небольшая и крестьянишки обнищали до конца»<sup>1</sup>. Самое пребываніе въ Ферапонтовѣ опальнаго патріарха, который содержался, правда, при пособіи окрестныхъ монастырей, невольно вовлекало монастырь въ излишніе расходы служившіе большими бременемъ для оскудѣвшей обители<sup>2</sup>.

Но все это были, такъ сказать, виѣнія причины обѣдненія монастыря. Внутреннею причиной раззоренія монастыря во второй половинѣ XVII вѣка были вопіющи злуопотребленія монастырскихъ властей — игумена Аѳанасія и келаря Макарія Злобина. Начало разоблаченіямъ этихъ беспорядковъ въ монастырскомъ хозяйствѣ положилъ патріахъ Никонъ, который живя здѣсь въ заточеніи, замѣтилъ недобросовѣтность Аѳанасія по отношенію къ себѣ и въ своей членобитной на имя государя, прочитанной въ присутствіи пристава и всей братіи, доказалъ, что игуменъ Аѳанасій всегда его обсчитывалъ, показывая расходъ на содержаніе его вдвое и втрое больше настоящаго. Игуменъ Аѳанасій, чувствуя недоброе, еще до этого обличенія отказался отъ игуменства, а когда Никонъ подаль на него новую членобитную государю, бывшій игуменъ не дожидалась слѣдствія, бѣжалъ изъ монастыря. Его примѣру послѣдовала житенный старецъ Іовъ, тоже обвиняемый въ злоупотребленіяхъ. Оба бѣглеца пропали потомъ безъ вѣсти.

---

поѣздики московской. — Въ 14 день августа занято у святѣшаго Никона патріарха десять рублей на успенскую ярмарку, да у чернова попа Деонисія два рубли<sup>4</sup>. Долги эти монастырь уплатилъ Никону въ томъ же году: „декабря въ 5 день платилъ (казначей Іона) по кабале бывшему патріарху Никону десять рублей, что заемовалъ бывшій казначей Моисей и кабала выната“ и т. д.

<sup>1</sup> П. О. Николаевскій. Жизнь Никона, с. 15, 50, 51.

<sup>2</sup> Тамъ же, с. 22.

Вскорѣ послѣ ихъ ухода новый игуменъ монастыря, по имени тоже Афанасій, съ братіей подали челобитную государю на бывшихъ игумена и келаря, въ которой описали ихъ проѣлки и злоупотребленія, раззорившія монастырь. По словамъ челобитной, «келарь и игуменъ, будучи въ Москвѣ, изъ монастырскихъ сель хлѣбъ и скотъ продавали, а деньги брали себѣ, а на иные вино покупали, и изъ казны монастырской деньги съ собою къ Москвѣ брали и отчету по се число не давали. Ёдучи къ Москвѣ, взяли они на Вологдѣ на кружечномъ дворѣ 15 ведеръ вина и дали кабалу, и съ монастыря взято по той кабалѣ 15 рублевъ». Живя въ Москвѣ, они занимали деньги въ счетъ монастыря, и монастырь долженъ былъ платить долги по ихъ кабаламъ. Дѣло дошло до того, что келарь Макарій, «умысяль сть чернимъ попомъ Діонисіемъ», заложилъ ихъ монастырскій дворъ въ Москвѣ за 85 рублей безъ вѣдома братіи, да хотѣль еще закладывать и монастырскія вотчины. Этотъ келарь Макарій, жившій въ Москвѣ съ 1669 года, былъ отрѣшенъ отъ должности въ 1671 году и за это, по словамъ братіи, мстиль монастырю, причиняя монастырскимъ служкамъ и крестьянамъ большиe убытки и непріятности. Братія просила государя «счасть прежняго игумена и келаря въ такомъ московскомъ расходѣ и о закладѣ двора ихъ указъ учинить, чтобы монастырю отъ заемныхъ ихъ кабаль впредь напрасно не раззориться»<sup>1</sup>.

Неудивительно, что при такихъ хозяевахъ Ферапонтовъ монастырь дошелъ до крайняго упадка. Въ 1676 году присланный изъ Кириллова монастыря новый строитель Исаія нашелъ монастырь въ плачевномъ состояніи. Въ Ферапонтовѣ, какъ писать онъ въ своемъ донесеніи въ Москву, «на церквахъ и каменныхъ палатахъ (казенной, сушиленной и поваренной) всѣ кровли сгнили и послѣ пожара 1666 года въ монастырѣ кельи и около монастыря ограда до сихъ поръ не построены, а остальное строеніе (кельи, службы и мельницы) все обвалилось и сгнило; въ монастырской казнѣ денегъ и въ житницахъ хлѣба онъ не нашелъ; братія и служки въ монастырѣ и по селамъ пытаются овсянымъ хлѣбомъ, занятымъ въ долгъ; самъ онъ (строитель) занялъ въ Кириловомъ на расходъ 30

<sup>1</sup> Тамъ же, с. 61, примѣч.

четъ ржи и 20 четъ солоду на квасъ; ржаной хлѣбъ до 8 августа еще не сѣянъ по бѣдности монастыря»<sup>1</sup>.

Въ самомъ концѣ XVII вѣка мы находимъ монастырь все въ томъ же затруднительномъ положеніи. Въ 1690 году, при передачѣ монастырской казны новому казначею, въ ней оказываются на лицо только кабалы, да памяти да росписи, сколько стъ кого нужно получить денегъ за прошлые годы.<sup>2</sup> Получать оброки съ обѣднѣвшихъ крестьянъ, какъ видно, было не легко. Особенно много хлопотъ доставляли монастырю упомянутые выше новые поселенцы на его вотчинахъ — кореляне, данные во владѣніе монастырю еще въ 1650 году въ количествѣ 54 семействъ<sup>3</sup>. Двумя грамотами, присланными изъ Бѣлоозера къ воеводамъ изъ пушкарскаго приказа въ 1684 и слѣдующемъ году, предписывалось: «Корелянамъ 50 семьямъ жить за Ферапонтовымъ монастыремъ и того монастыря властямъ и братіи быть послушными и всякия государскія и монастырскія подати платить и издѣліе на монастырь дѣлать безъ всякаго ослушанія со крестьяны врядъ». Въ то же время не вѣльно было взыскивать доимочныхъ денегъ за корелянъ за прошлые годы въ количествѣ 1123 рублей 6 алтынъ и 4 денегъ. Но кореляне плохо слушались монастырскихъ властей. Въ 1696 году имъ было объявленъ указъ Петра Великаго, требовавшій отъ нихъ послушанія монастырскимъ властямъ подъ угрозой жестокаго наказанія за неповиновеніе. Кореляне, выслушавъ указъ, обѣщали быть послушными игумену и братіи и платить «всякия подати государевы и монастырскіе оброки».

Но вскорѣ же послѣ этого игуменъ Ферапонтова монастыря Флавіанъ билъ челомъ государю, что Корелы «вышеписанную грамоту выслушавъ, учнились сильны и непослушны и во всемъ имъ властямъ отказали, а нынѣ де у нихъ за ихъ корельскимъ непослушаніемъ силою всякия оброки и пла-

<sup>1</sup> Тамъ же, с. 120, прим. см. „Дѣло о патріархѣ Никонѣ“. Изд. Археогр. Коммиссіи. Спб. 1897. № 110.

<sup>2</sup> Отписная каз. книги Ф. м. 1690 года (рк.)

<sup>3</sup> Кореляне жили въ 8—10 верстахъ отъ монастыря въ Цышинской волости. Еще доселъ не сколько деревень Цышинского прихода (Вазерники, Палщемское, Кишемское и др.) носятъ общее название „Корела“. Въ говорѣ местного вполи обруссѣвшаго теперь населенія встречаются иногда слова чисто корельского происхожденія.

тежи стали и достальные крестьяне отъ домовъ разошлись, и Ферапонтовъ монастырь отъ того до конца оскудѣлъ». Всльдъ за этой челобитной послѣдовалъ новый указъ Петра (28 мая 1697 г.), въ которомъ суровый преобразователь, подтвердивъ прежнее требование, прибавилъ слѣдующую угрозу: «а буде тѣ Корелы... властямъ Ферапонтова монастыря учинятся сильны, и за то ослушаніе выбрать изъ нихъ пущихъ заводчиковъ человѣкомъ пяти при всѣхъ ихъ братьяхъ Корѣлянахъ учинить имъ наказаніе вельти, бити ихъ кнутъемъ, а другихъ пяти человѣкомъ — батоги нещадно»<sup>1</sup>.

## 5. Послѣдній вѣкъ существованія обители и ея закрытіе.

### VIII.

Здѣсь уже не нужно боя часовъ послѣдній пробилъ для обители.

А. Н. Муравьевъ.

Монотонный характеръ жизни монастыря въ XVIII вѣкѣ. — Вкладная книга этого времени. — Политические доносы на игуменовъ обители. — Арсеній Маціевичъ. — Ремонтъ монастыря и неожиданное его закрытіе.

Не смотря на упадокъ Ферапонтова монастыря въ XVII в., исторія его въ этомъ вѣкѣ представляетъ много интересныхъ страницъ. Во второй половинѣ этого вѣка монастырь получаетъ даже особую историческую извѣстность. Въ это время въ теченіи десяти лѣтъ (1666—1676) скромная Ферапонтова обитель привлекала къ себѣ тревожное вниманіе московского правительства, а за нимъ и всей Руси: въ ней жилъ тогда знаменитый заточникъ «монахъ Никонъ», бывшій великий государь и патріархъ московскій и вся

<sup>1</sup> Грамота Петра В. Ферапонтову монастырю отъ 28 мая 7205 г. „Новг. губ. Вѣд.“ 1852, № 20.